

DOI 10.32726/2411-3417-2022-4-15-29

УДК 94; 327

Наталия Нарочницкая

Россия и Сербия в эпоху перемен: линии напряжения истории XIX–XXI вв. II. Русско-сербские параллели в соперничестве миров

Аннотация. Балканы в новом глобальном противостоянии остаются зоной цивилизационного, культурного пограничья. По сербам в западном мировоззрении пролегает рубеж «цивилизированного» мира. Но Балканы — одновременно и стратегический регион. Давление на Россию, стремление оттеснить ее к востоку от Черноморских проливов издавна нацелено и на стратегическое пространство Балкан. Сербия была и остается в глазах Европы потенциальным инструментом русского влияния и неассимилируемым очагом чуждой цивилизации, духовной и политической опорой мощной России. Сближают русских и сербов и параллели национальной истории: опыт столкновения с воинствующе антирусским украинством — и с террором хорватов-ушастей, утрата опорных символов исторического сознания, последствия экспериментов создания и расчленения социалистических федераций. Особое внимание в этом контексте уделено в статье драме Косово, ставшего в сербском историческом сознании своего рода Голгофой.

Ключевые слова: Россия и Запад, Россия и Сербия, российско-сербские связи, геополитические стремления, европейские конфликты, цивилизационное пограничие, русско-сербские параллели, этническая и национальная история, Косово.

Балканы — место встречи и столкновения цивилизаций

Балканы в новом вселенском противостоянии — остаются зоной цивилизационного, культурного «пограничья». По Балканам проходит граница между поствизантийским пространством и латинским миром. По сербам, по «Мосту на Дрине» (вокруг которого развернуто гуманистическое эпическое полотно жизни в романе Иво Андрича¹) в западном мировоззрении пролегает рубеж «цивилизированного» мира. Но Балканы —

1 Иво Андрич (1892–1975) — единственный югославский писатель, удостоенный Нобелевской премии по литературе (1961 г.). В юности И. Андрич жаждал освобождения южнославянских народов от Австро-Венгрии и состоял в движении Млада Босна, к которому принадлежал Гаврила Принцип, совершивший убийство эрцгерцога Фердинанда, что стало поводом к Первой мировой войне.

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, член Общественной палаты РФ, иностранный член Сербской академии наук и искусств, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.

одновременно и стратегический подход к Эгейскому морю, к Проливам через Салоники и в целом к Средиземному морю, выход в которое великие державы стремились контролировать, не допуская к нему «чуждые» исторические потоки. Единственной природной равниной на Балканах, которая соединяет в военно-стратегических параметрах Западную Европу с Салониками является Вардаро-Моравская долина с Косовым полем.

Как в цивилизационном, так и в геополитическом и военно-стратегическом смысле логичны последовательные исторические поползновения Австрии контролировать полиэтническую Боснию, фактический протекторат над которой она получила по итогам Берлинского конгресса 1878 г. и которую аннексировала в 1908 г., что было неприемлемым для боснийских сербов, радикализировало организацию «Млада Босна» и стало прелюдией к Первой мировой войне. Австро-Венгрия неуклонно и последовательно целилась на захват сначала Боснии, затем на подавление и фрагментацию, вплоть до уничтожения, Сербии, стремясь «в вожделенные Салоники», о чем неоднократно упоминал С. Сазонов.

Неслучайна и однозначная поддержка евроатлантическим миром боснийских мусульман в Балканском кризисе 90-х годов XX в., несмотря на угрожающие самой Европе идеи геополитического исламского пояса «от Адриатики до Великой Китайской стены» в программной стратегии покойного президента Боснии А. Изетбеговича, сформулированной в его известном манифесте — «Исламской декларации» [См. Izetbegovic]. Драматическая судьба Югославии и сербства в преддверии XXI в. отразила как в капле воды геополитические и цивилизационные противоречия мировой и европейской истории, так же как это было перед Первой мировой войной.

Давление на Россию, стремление оттеснить ее к востоку от Проливов издавна одновременно направлено на Балканы — стратегическое пространство, контроль над которым закрепляет и линию геополитического разделения Европы от Балтики до Средиземного моря и Проливов. Сербия была в глазах Европы потенциальным инструментом русского влияния и неассимилируемым очагом чуждой цивилизации, духовной и политической опорой мощной России.

Не случайно уже полтора столетия назад Туманный Альбион, расположенный в нескольких тысячах миль от Балкан, так активно участвовал во всех перипетиях Восточного вопроса, считая, что от судьбы сербохорватской расы будет зависеть баланс сил в Адриатике и вся европейская ситуация. Выразивший эту мысль либеральный историк Р. Сетон-Уотсон, в свое время ведущий британский специалист по Восточному вопросу, осуждавший антироссийский максимализм Пальмерстона, не преминул добавить, что триумф пансербских устремлений «означал бы настоящее несчастье для европейской культуры» [Seton-Watson The Rise... Seton-Watson Rumania...].

Основные векторы геополитических стратегий начала XX в. были заложены XIX столетием, уже в середине которого можно констатировать устойчивое противопостав-

ление России и Европы в западном сознании. Превращение России к тому времени в евразийского гиганта, с влиянием на Балканах и перспективой присутствия в Средиземном море, породило в западной политике последовательную стратегию сдерживания России, а в историографии XIX–XX вв. — враждебную интерпретацию русской истории и внешней политики. Об этом с горечью писал, в частности, Е.В. Спекторский, один из столпов ведущего культурного центра русской эмиграции в Югославии, чья школа правоведения оказала огромное влияние на образование и науку в Сербии [Спекторский]¹.

Отношение к России как к иному миру, чуждому и опасно громадному, сохранялось как некая матрица в сознании, принимая в XIX в. острые формы в моменты столкновения конкретных интересов. Ф.И. Тютчев писал накануне Крымской войны, что надвигается война со всей Европой. Уже почти два столетия назад даже соперничающие и враждующие европейские державы на время объединялись именно в противодействии России.

Так случилось и на Берлинском конгрессе 1878 г., где англичане Р. Солсбери и Б. Дизраэли, австриец Д. Андраши и немец О. Бисмарк, представивший себя как «честного маклера», общими усилиями старались минимизировать итоги русской победы. Против России, не взявшей ни пяди территории балканских народов и оплатившей кровью независимость Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории, единым фронтом встали, отложив свои противоречия, старые соперники. Австрия и поддерживающая (как почти всегда) любого противника России Англия обвиняли Петербург в территориальных амбициях. Но Россия получила только Добруджу, причем для того лишь, чтобы обменять ее потом на отнятую у нее по итогам Крымской войны часть Бессарабии. Англия же в лице премьер-министра Б. Дизраэли предложила дать Австро-Венгрии мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины. Это обосновывалось — как и бомбардировки Югославии полтора столетия спустя, в 1999 г., — необходимостью «наведения порядка» и внедрения «западных ценностей». Сама же Англия тогда отняла у Турции Кипр, где до сего дня располагается английская военно-морская база.

Сравнение геополитических и военных устремлений эпохи Берлинского конгресса, в ходе Первой и Второй мировых войн, во время Русской революции с современными событиями конца XX — начала XXI в. делает параллели русской и сербской истории особенно явными. Силовые стрелы всестороннего давления на Россию в ее трудные времена каждый раз нацелены на ее оттеснение от Балкан и Средиземноморья, от Проливов, от Балтийского и Черного морей. Спешный прием Прибалтики в НАТО и вся украинская стратегия США соответствуют вожделениям западных соперников России полуторастолетней давности, когда сначала кайзер, затем Британия мечтали об утрате Россией обретенных Петра и Екатерины.

1 Спекторский в последующем стал одним из руководителей «Русской академической группы» в США.

Будущий министр иностранных дел Германской империи Б. фон Бюлов писал в 1887 г. будущему начальнику генерального штаба австро-венгерских войск, военному аналитику К. фон Хетцендорфу, что необходимо в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей — от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы. Далее постулировалась цель «сокрушить ее экономические возможности», «разрушить ее промышленность и торговлю». Разве не такую же цель преследуют санкции против сегодняшней России? Причем новая элита не стесняется в выражениях даже в официальных публичных заявлениях. А вот политический титан О. фон Бисмарк, к концу жизни пришедший к выводу о бессмысленности войны с Россией, которую в силу ее географических и ментальных особенностей невозможно победить, оставил на полях текста фон Бюлова помету: «Столь эксцентричные эскизы не следует излагать на бумаге» [Die geheime Papiere... S. 213–216].

Западная «исключительность» против России и Сербии

Нынешнее доходящее до гротеска тотальное отторжение России как явления мировой истории и культуры, а также и давление на Сербию имеют корни в чувстве религиозно-культурного превосходства, существующего со времен великой схизмы. Нельзя не признать за европейской цивилизацией прошлых веков бесспорно впечатляющей культуры, игравшей немалую роль в продвижении геополитических интересов и достижении колоссальных экономических выгод.

К началу XXI в. историческое сознание Запада утратило культуртрегерское обаяние прошлого и предстало в обнаженном и разочаровывающем виде. Идеология англосаксов — «индивидуалистических и демократических наций», по А. де Токвилю — упростилась, но эволюционировала не слишком сильно в плане представлений о своей исключительности. После Первой мировой войны ранние политические клише американского провиденциализма — доктрины Монро, Manifest Destiny, «открытых дверей», романтизация экспансии сенатором А. Бевериджем — слились в вильсонизме, совместившем с либеральными идейным багажом и риторикой пафос кальвинистской уверенности в божественном задании Соединенным Штатам спасти мир и установить «Новый порядок на века» (Novus ordo seclorum — надпись на государственной печати США).

Через сто лет после В. Вильсона квинтэссенцией англосаксонского мессианизма стала его последняя версия, в которой мессианство и провиденциализм американского сознания выразились в формуле американской исключительности (exceptionalism) и непререкаемого глобального лидерства. Если Вильсон в доктринальном плане был пацифистом и искренне верил в спасительную роль своих проектов, то современные протагонисты американской «исключительности» постулируют право на силовое навязывание остальным своей философии истории и униформного мира.

Особенно ожесточенно противостояние с неизменностью проявляется на стыке различных систем, рождая в некоторых даже не имеющих мощи народах самоощущение

воинствующего мессианства и культурного превосходства, что явно свойственно Польше. Ее манихейское сознание и мысль рождали мечты (и даже призывы) о крестовом походе — не в Палестину, а против «Руси» — уже много веков назад, как будто польскому самоутверждению в истории мешала русская стихия, «многочисленная как звезды», — угрожающий и нависающий гигант схизматической веры. Сегодня польское сознание элиты и вовсе помещает Россию и весь Русский мир в некое «черное царство Мордор» Дж. Толкина.

Как на Балканах, так и в Малороссии — части Киевской Руси — наступление латинской Европы на православное пространство особенно трагично разрежало тело изначально одного этноса, одного народа. Отделившая себя часть целого не в силах осуществить самоидентификацию без тотального отрицания другой части, без ненависти, вплоть до желания истребить отринутое естество, воспринимаемое уже как историческая экзистенциальная помеха для самореализации (хорваты vs сербы, галицийские униаты vs православные малороссы).

Если отношение к России и ее «варварской отметине византийской цивилизации» (А. Тойнби) чаще всего хотя бы не обретало грубой недипломатичной формы, то в отношении балканских православных народов пренебрежение постулировалось откровенно и без стеснения. Австро-венгерский правитель Боснии и Герцеговины Б. фон Каллаи называл невозможным «сосуществование духовного мира Юго-Восточной и Западной Европы» [Islam, p. 602]. Можно привести сходные суждения таких известных деятелей, как Д. Андраши, Л. Талоци, генерал Ф. К. фон Хетцендорф. Не говоря уже о баварском историке Я. Фалмерайере, авторе экстравагантных теорий, славянофобе и грекофобе, считавшем, что только сильное османское государство может предотвратить российскую экспансию в Западную Европу, и призывавшего к «решительной расправе» с «наследниками Византии» [Falmerayer].

Панорама западной исторической мысли в Новое и новейшее время (от Г. Бокля, Ф. Гизо и Ж. де Местра до А. Тойнби, Ф. Броделя и С. Хантингтона) свидетельствует о характерном пренебрежении к иному духовному опыту либо, в лучшем случае, о слабом знании иного культурного наследия даже внутри христианского мира. Напротив, христианскому Востоку в лице как России, так и Сербии — не свойственны ни незнание, ни пренебрежение подобного рода. Ярким примером может служить глубокий анализ трудов названных крупных представителей западной исторической мысли сербским историком Милорадом Экмечичем [Экмечић]. Сам академик Экмечич (1928–2015)¹, как подлинный универсалист, почитал и великую европейскую культуру, и национальное сербское и русское наследие. К концу жизни став свидетелем глумления над сербской историей, демонизации сербов, антисербской и антиправославной травли со стороны

1 С началом войны в Боснии и Герцеговине М. Экмечич, живший и преподававший в Сараево, вместе с семьей был схвачен членами мусульманского паравоенного формирования «Зеленые береты», затем бежал из-под домашнего ареста на территорию Республики Сербской. Президент Сербии А. Вучич 22 октября 2022 г. выступил на презентации полного собрания сочинений М. Экмечича.

босняков-«потурченцев», Экмечич — подлинный «всеевропеец» — пришел к горькому разочарованию и предсказал ход развития событий в мире, в том числе глубокий экономический кризис в Европе и войну на Украине.

Параллели национальной истории

М. Экмечич уделял большое внимание религиозно-философским основам истории, полагал религию важнейшим фактором в становлении балканских славянских народов. Национальные идентичности сербов, хорватов, боснийцев, как он показал, формировались в рамках одного этноса именно на основе конфессиональной принадлежности — в отличие от албанцев, у которых превалировал этнический фактор консолидации и этнонациональная идентичность (албанец-христианин и албанец-мусульманин остаются албанскими националистами). Поэтому, отмечал Экмечич, войны в Югославии всегда были следствием религиозных противоречий. В сходном ключе он размышлял и над ролью на Украине галицийских униатов с их воинствующе антирусским и антиправославным пафосом. Экмечич, таким образом, показал, что то понимание, с которым Сербия относится к достигшему теперь апогея конфликту между Русским миром и униатской галицийской версией украинства-«антимосковитства» имеет и конкретное историческое объяснение.

Действительно, в драматическом столкновении в наши дни на Украине двух версий будущего этой ветви Киевской Руси есть параллелизм с пережитым сербами опытом. Хорваты — тот же этнос, что и сербы, говорящий на том же языке, носящий те же имена, окатоличенный еще в X–XI веках, хотя в Хорватии еще долго сохранялось латинское богослужение на церковно-славянском языке. Мировоззренчески, хотя и не в культурно-бытовых традициях, хорваты были интегрированы в западный ареал в ходе венгерского завоевания и австрийского господства [Nisic].

Параллельно во второй половине XIV в. галицийская земля была захвачена Казимиром Великим, и с тех пор, переходя то от Польши к Австрии, то от Австрии к Польше, Галиция, ставшая униатской после Брестской Унии 1596 г., не ощущает себя частью малороссийской истории. Одновременно униаты-галицийцы полагают именно себя и только себя носителями подлинного «украинства», призванными создать моноэтническое и моноконфессиональное государство вовсе не на территории Галиции, а используя малороссов и огромную территорию исторической России, доставшуюся постсоветской Украине из рук большевиков. Ревность и отторжение общерусской идентичности униатами Галиции еще перед Первой мировой войной схожи с хорватской религиозно-фанатичной ненавистью к православным сербам.

Оккупация нацистскими силами как Хорватии, так и Украины в годы Второй мировой войны развязала руки и разожгла самые страшные инстинкты. Чудовищные зверства хорватских усташей, совершавших подлинный геноцид сербов в годы Второй мировой

войны, нередко с благословения католического духовенства [Крестич]¹, — явление, сравнимое со зверствами УПА и УНА-УНСО в отношении православных малороссов, поляков на Волыни и злодеяниями их современных последователей в конфликте на Украине.

Имеет аналогии в югославской истории и подпольное сохранение бандеровской идеологии на Западной Украине в послевоенном СССР, подкрепленное реабилитацией западно-украинских коллаборационистов «как жертв репрессий НКВД» С. Хрущевым, и моментальное ее возрождение после распада СССР.

Хотя от рук хорватских усташей в 1941–1945 гг. погибло около миллиона человек (сербы, цыгане, евреи), из которых сербы составляли 800 тысяч, мировое сообщество по политическим мотивам закрыло глаза на этот геноцид сербского населения Балкан. В самой Югославии хорватский нацизм после войны не был наказан ради торжества социалистического интернационализма в новой федерации. Это походило на советскую иллюзию превратить бандеровцев в комсомольцев, основанную на кабинетной доктрине межнационального братства в условиях коммунистического равенства. После распада Югославии немедленно возродился хорватский неонацизм, и с 1990 г. начались этнические чистки сербского населения. Исход 250 тыс. сербов из Крайны [Югославия, с. 846] даже на Западе расценивали как самое трагичное и масштабное вынужденное бегство населения после окончания холодной войны, сравнивая пешие колонны сербских семей с картиной славянских беженцев времен турецких янычар. Трагические для сербской нации события XXI в. следовали одно за другим сразу после краха СССР, который геополитически выполнял ту же роль, что историческая Россия.

Косово — Сербская Голгофа

*Воспоминания о Косове — это какая-то освященная боль,
что-то из необозримого далека, озаряющее нас своим величием
и одновременно исполняющее сердце неизреченной надеждой.
Для серба Косово — то же, что Голгофа для каждого христианина.*

Марко Маркович (сербско-французский историк и богослов)

Подлинной драмой сербской истории явилось отторжение от Сербии Косова, которое для Запада является ключом к Вардаро-Моравской долине, соединяющей Западную Европу с регионом Черноморских проливов. Для этой трагедии в сербском историческом сознании трудно найти аналогии в истории других европейских наций. 28 июня в Сербии отмечается главный национальный праздник Видовдан. Одновременно это День скорби и памяти о Косовской битве 1389 г., когда звонят все колокола по «Серб-

1 Василие Крестич (род. 20 июля 1932 г.) — выдающийся югославский и сербский историк, академик Сербской академии наук и искусств. Секретарь Отделения исторических наук с 1993 г. по апрель 2011 г., В. Крестич посвятил десятилетия изучению документов по истории сербо-хорватских отношений, его работы переведены на английский, французский, немецкий, венгерский, чешский, болгарский и греческий языки. Является членом Матицы сербской и Исторического общества Сербии.

ской Голгофе», день национальной трагедии и христианского подвига самопожертвования, оказавшего влияние на всю сербскую цивилизацию.

По легенде, которая вошла в сербский эпос и сербскую мысль¹, перед Косовской битвой князю явился во сне «сизый сокол» с вопросом: какое царство он выберет — земное, полное побед и полнокровной жизни, или царство небесное. Ответ и раздумья князя переданы в различных стихах сербского эпоса столь пронзительно, что невольно побуждают вспомнить молитву Спасителя «о Чаше» в Гефсиманском саду. Князь выбирает Царство Небесное: «Царство земное — кратко и временно, а Небесное — на веки вечные» («*Земальско је за малена царство а небеско увек и до века*»).

Для нерелигиозного сознания может казаться странным, что народ, в чьей истории немало побед, выбрал в качестве главного символа национального самоутверждения свое крупнейшее поражение. На основании богословских и историософских размышлений о Косовской битве смысл «косовского завета» можно кратко изложить примерно так: На Косовом поле в жертву приносится целый народ. Отсюда и самая очевидная параллель — с Голгофой. Христиане, оплакивая смерть Христа, одновременно славят Его Воскресение. Так поражение и воссоздание слиты воедино и в косовском завете... В сербском религиозном сознании гибель царства сербского на Косовом поле связана с Христовым страданием, и подобным выбором князем Лазарем не земной победы, но Царства вечного, благодаря чему Косово превращается в духовную победу [Марковић].

Когда в 1912 г. сербская армия вступила на землю Косово и Метохии, солдаты поголовно бросились на колени и зарыдали, сняв шапки. Философский смысл Косово в сербском духовном и историческом сознании — это некая тайна, сердцевина побуждения к продолжению исторической жизни.

Но Косово — это еще и реальная колыбель сербской государственности, место Печской Патриархии, древняя земля династии Неманичей. Сербь испытала несколько волн изгнания из этих мест, самые трагичные — после Косовской битвы и затем после нашествия турок в конце XVII в.

«Старая Сербия» — так именовалась на европейских картах прошлых веков колыбель сербской государственности Косово и Метохия. В современной историографии и политическом лексиконе Запада это историческое имя намеренно не используется, а исторические дискуссии по косовской теме в основном пресекаются, ибо научные выводы служат основанием определенной политической позиции. В исторической памяти сербов связь между современным Косово и Косово изначальным, оплаканным многими поколениями, неразрывна: «Всибо сие земли опустели цркви божия попалили, монастыри ограблены и разорены конечно, люди иссечени биша, жени и отроцата пороблены и горшее пленение и разорение было... Вишая туги и пагуби были сербско-

1 Глубокое толкование этой легенды оставил, в частности, сербский богослов и мыслитель XX в. Николай Велимирович.

му народу, никто би не остал разве ашче кто весмиво глубину пустиною укрился или уишел в немецкую землю». Так современник описывал события более чем пятивековой давности, вызвавшие массовый исход православного славянского населения Старой Сербии.

Британский антрополог Мэри Эдит Дарэм (Mary Edith Durham), считающаяся в Албании протагонистом албанского «дела», тем не менее пишет об истории Старой Сербии (Косова и Метохии) как о «непрерывном бедствии, начавшемся с приходом турок»: после того, как «в 1690 г. невыносимая участь заставила более 37 тысяч сербских семейных кланов эмигрировать в Венгрию», «албанцы распространились на оставленных землях, которые с тех пор им было позволено безнаказанно разграблять» [Durham, p. 310].

В сербском эпосе косовская трагедия занимает мистическое место — даже существенно большее, чем так называемый Куликовский цикл в русском. Но и в русском цикле, например, «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича» показывает, что именно после битвы за веру и живот, превратившей разрозненные и соперничающие русские княжества и племена в единый народ, христианское осмысление власти подошло к своему завершению — к учению о Православном Царе. Таковым Св. Дмитрий именуется в Житии в эсхатологическом смысле, ибо употребление этого титула в мирском значении началось через полтора года лет [Библиотека... С. 207–227]. Но память сербов о выборе князем Лазарем венца небесного, а не победы в земной истории — одна из опор национального и православного сознания, укрепляющая православно-христианский стержень сербской культуры, национальной психологии и исторической памяти. Князь Лазарь Хребелянович — последний правитель (1370–1389) независимой Сербии. По преданию, перед битвой князь Лазарь призвал все сербство на защиту Косова и завещал несчастье тем, кто уклонится от этой святой задачи:

Кто есть сербин и сербского рода,
Но на Косово, на бой не пришёл он,
Не имел он от сердца порода
Не мужского, и не девичьего,
От руки его ничего не родилося.
Ни румяно вино, ни пшеница бела
Проклято его всяко колено¹.

Мощи Святого благоверного князя Лазаря, его обезглавленное и изрубленное турками тело перенесено в монастырь Раваница, где эти признанные нетленными мощи и хранятся до сих пор. Во время угрозы со стороны турок сербы их дважды увозили с собой. В русском православии князь Лазарь почитается издавна, и фреска с его изображением имеется на колонне Архангельского собора в Кремле рядом с образами

1 Баллада «Мусич Стефан» // Српска.ру. — URL: srpska.ru/article.php?nid=179 (дата обращения: 11.01.2023).

первых русских мучеников-страстотерпцев святых Бориса и Глеба. Косово в сербском историческом сознании — это связующая нить многовековой сербской истории, истории православного народа-мученика.

В начале XXI в., после отторжения Косова от Сербии и нового разрушения боевиками Армии освобождения Косова (АОК) храмов, дворцов сербских князей и монастырей, научные экспедиции фиксировали такую же, как и несколько столетий назад, картину опустошения и варварского разрушения Старой Сербии, отданной евроатлантическим Западом на «разграбление»: «... остатки церкви в Грабовице; деревня Кнежевац, ... в селе Штаваль остатки церкви...; Градац, остатки церкви на кладбище под Градиной; Ступ, остатки церкви на кладбище; Тузине остатки церкви с кладбищем... среди остатков особенно сильное впечатление оставляют руины церкви Святого Георгия в селе Дуйке у Сенницы... Стены церкви были оштукатурены и расписаны фресками, о чем свидетельствуют остатки штукатурки. Все это вместе создает удручающее впечатление и заставляет задуматься о трагической судьбе древнего сербского государственного и культурного наследия...» [Терзич].

«Европа умерла в Приштине» — так назвал свою книгу французский полковник, находившийся в Косово в составе миссии НАТО, а ныне военный и политический аналитик Жак Огар [Hogard]. «Остатки» — вот, по его мнению, будущее Европы, совершившей чудовищную несправедливость по отношению к сербам. Непоправимо поврежденное сознание некогда христианской Европы, полагает Огар, лишает ее духовного потенциала для продолжения себя в мировой истории¹.

Но великоалбанская шовинистическая программа, предупреждал сербо-черногорский академик Миомир Дашич, — «наипервейшая и прямая причина трагедии Косово и Метохии» — «отнюдь не завершается расчленением Сербии, а осуществится за счет и других соседей». Предпосылкой дальнейшей реализации албанских амбиций среди прочего стал взрывной и поощряемый в мечетях демографический рост албанского населения пограничных территорий. Как предполагал академик Дашич, Греция может лишиться северо-западной части (почти трети) своей территории, а Черногория — почти 45% своих земель².

Показательно, что проект «великой Албании» был выпестован во время Берлинского конгресса (1878), собравшегося для пересмотра Сан-Стефанского договора, завершившего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. С целью противодействия сла-

1 Жак Огар — потомственный французский военный, полковник, офицер ордена Почетного Легиона, офицер ордена Почета, кавалер боевых орденов, а так же сербского православного ордена Святого Савы и Золотой медали «За храбрость» Милоша Обилича, входил в состав командования специальных операций и одной из первых групп НАТО, вступивших на территорию Косово в 1999 г. Наблюдая происходившее там, Огар стал убежденным сторонником сербского сопротивления, вскоре досрочно вышел в отставку и основал аналитическую и консультативную структуру ЕРРЕ.

2 См. Настава историја. 1999. № 9.

вянам и влиянию России в будущей конфигурации Балкан, при содействии Османской империи и Австрии была основана албанская Призренская лига. Ее идеология и геополитические задачи и стали содержанием албанского сепаратизма и неизбежного в будущем ирредентизма. Оксфордский потомственный славист (его отец и мать возглавляли на протяжении десятилетий Общество южных славян) Дж. Бёрнс (прямой потомок поэта Роберта Бернса) отмечал, что на Берлинском конгрессе, несмотря на все прошения косовских сербов о воссоединении косовского вилайета с Сербией, Сербии было отказано получить даже Приштинский санджак — чтобы не усиливать влияние России [Burns, p. 103–105].

Опасное для балканской и сербской истории развитие албанской темы, в том числе в связи с Косово, прослеживается на протяжении уже более чем полутора веков. В 1913 г. Флорентийский протокол установил границы между новообразованной Албанией и ее соседями в пользу Албании, хотя в 1912 г. Лондонская конференция послов зафиксировала, что в предлагавшихся границах создаваемой Албании проживают около миллиона македонцев и сербо-черногорцев. Но воинствующие албанские активисты, подстрекаемые Турцией и следуя программе Призренской лиги, устроили протесты, грозя даже усеять Косово сербскими костями и требуя дополнительно значительные части современных Македонии, Сербии и Черногории.

Прозорливый русский консул в Призрене И.С. Ястребов изначально отрицательно оценил перспективы албанской темы как для Балкан, славянства, Европы в целом, так и для политики России. Ястребов призывал не обольщаться «албанским освободительным движением» против Порты, которое затем в советской историографии трактовалось как антиимперская и классовая борьба против Османской монархии [Балканские народы... С. 224]. Именно турецкое правительство, указывал Ястребов в донесении в МИД, «орудовало митингами и протестами албанцев», оно же «помогало им объединиться... снабдив их деньгами и ружьями новейшей системы» [Там же, с. 243–244]¹.

Образование после Первой мировой войны Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) внешне могло выглядеть как реализация идеи Великой Сербии, но на деле содержало огромный потенциал напряженности между соперничающими сербами и хорватами, которые, в отличие от сербов, в составе Австро-Венгрии воевали на стороне Центральных держав. Хорваты открыто саботировали законодательство КСХС, парализуя управление новообразованным государством. Внутриполитические кризисы и убийства на политической почве привели к усилению авторитарного правления короля Александра I Карагеоргиевича и преобразованию КСХС в 1929 г. в Королевство Югославия. Король Александр вместе с министром иностранных дел Франции Луи Барту был в итоге убит в 1934 г. в Марселе хорватским националистом-террористом.

1 И.С. Ястребов также опубликовал исследование «Обычай и песни турецких Сербов в Призрене, Ипекке, Мораве и Дибре» [Ястребов]. Этот этнографический труд вызвал ожесточенную критику болгар за «просербскую» позицию автора в македонском вопросе.

В 1930-е годы отмечается дальнейшее обострение демографической проблемы в Косово, где мусульманское и националистически настроенное албанское население показывало прирост в несколько раз больше сербского, выбитого в сражениях Первой мировой войны. Никакие попытки уравновесить демографические процессы в крае не приводили к результатам. Далеко идущие последствия такого угрожающего положения, приведшие к отторжению Косова от Сербии, сознавали не все.

Это побудило сербского историка Васо Чубриловича (в несовершеннолетнем возрасте участвовавшего в заговоре Млада Босна с целью покушения на австрийского эрцгерцога Фердинанда) выступить с лекцией, получившей название «Меморандум». В мае 1937 г. в Сербском культурном клубе перед аудиторией, состоявшей из авторитетных интеллектуалов, высокопоставленных военных чинов и влиятельных политиков, был представлен текст об опасности тенденций в Косово и неизбежности в будущем новой трагедии этой колыбели сербской государственности. Чубрилович видел единственный выход из ситуации в создании условий и стимулов (сочетавших «кнул и пряник») для массового переселения албанцев в мусульманские страны — Турцию и Албанию. При этом он ссылался на успешный опыт обмена населением между Грецией и Турцией в 1923 г. и на якобы готовность Турции, заинтересованной в приеме новых переселенцев, заключить на этот счет финансовую сделку [Čubrilović].

Этот «Меморандум» трактуется албанцами как доказательство «колонизаторской» политики сербов на албанской территории, хотя он не был опубликован, никогда не принимался к рассмотрению в официальных государственных структурах и тем более не применялся на практике. Напротив, как установили современные исследователи, в довоенном Королевстве Югославия все данные о численности и динамике этнического состава Косова были строго засекречены и не предоставлялись даже высокопоставленным чиновникам, считаясь взрывоопасным политическим материалом [Bjelajac]. То же было и при И.Б. Тито в СФРЮ.

Подобным образом обстояло дело и в СССР, где скрывались данные об упадке русского населения и кратного снижения уровня жизни русского народа в РСФСР («угнетателя» в трактовке постсоветских государств) в сравнении с другими народами, как и тот факт, что русские и украинцы, имевшие до революции самый высокий естественный прирост населения, оказались перед угрозой депопуляции, в то время как вымиравшие до революции казахи, киргизы, туркмены и другие народы азиатской части страны показывали в СССР к 1980-м годам самый высокий в мире естественный прирост населения.

В годы Второй мировой войны фашистская Италия, как и Третий рейх, во время оккупации проводили вытеснение сербов из Косова и стимулировали приток туда албанского населения. По разным подсчетам, из края было изгнано 70–90 тыс. сербов и черногорцев, многие из которых погибли в концентрационных лагерях и на тяжелых принудительных работах. А 6 марта 1945 г. указом министерства внутренних дел освобожденной от фашистов Югославии примерно 50–60 тыс. сербов, изгнанным из Косо-

во, было запрещено возвращение в родные места — ради воплощения титовской идеи федерации братских балканских народов. Одновременно, вплоть до разрыва Тито со Сталиным в 1948 г., были открыты границы с Албанией, откуда в Косово перебралось не менее 25 тыс. человек, среди прочего спасавшихся от репрессий коммунистического режима Э. Ходжи. Это еще более ускорило взрывоопасное разрушение демографического равновесия в регионе. По оценкам сербских историков, славянское население Косово уменьшилось на треть по сравнению с довоенным [Borozan, s. 103, note 1].

На Западе принят албанский исторический нарратив об автохтонности албанского населения края, которое якобы заселяло Косово задолго до славян. Пребывание же Косово в составе разных сербских государств именуется насильственной колонизацией «албанского Косова». Ни демографические, ни юридические аспекты общей истории не имеют сходных оценок у косовских албанцев и сербов, ключевые события трактуются диаметрально противоположно. Европейские страны, даже Франция, которая немало сделала для Сербии в годы Первой мировой войны, в 1999 г. заняли солидарную антисербскую позицию и в настоящее время склонны лишь к лавированию [Соколова, Тимофеев]. Когда встал вопрос об отделении Косова, тема была использована Западом исключительно для обвинения Белграда в национализме, угнетении и репрессиях против косовских албанцев.

Пособием для стратегии отторжения Косово от Сербии стала проалбанская интерпретация балканской истории современного английского историка Н. Малкольма. Этот откровенно политизированный «нарратив», отвечающий задаче обосновать отделение Косова от Сербии, игнорирует главные документальные источники за полтора века, на которых основывалась вся классическая историография по Балканам, причем не только славянская, но и западная, являвшаяся до середины XX в. не столь ангажированной, как сегодня [Malcolm. См. также: Response...]. Разительный контраст версии Н. Малкольма составляет уже упомянутый выше труд сербского академика С. Терзича, сочетающий богатство документальной базы, результатов полевых и лингвистических исследований, археологических раскопок с историзмом подхода и научной щепетильностью. Не затушевывая сложности и переплетенности исторических событий и судеб разных наций в регионе, не игнорируя конфликтующие документы и неприятные факты, его книга дает представление в том числе о причинах столь разных и порой противоположных толкований исторических сюжетов [Терзич].

США сделали ставку на албанских террористов и даже преступников¹, которые, несмотря на обязанность распустить так называемую Армию освобождения Косова (АОК, или УЧК), вошли во властные структуры и силовые органы самопровозглашенного государства. Изначально воинствующее националистическое исламское квазигосударственное образование постепенно пыталось предстать перед мировым сообществом

1 «Президент» Хашим Тачи, объявленный в Сербии преступником, по мнению бывшего прокурора Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии Карлы дель Понте руководил подпольным трафиком человеческих органов.

в более цивилизованном виде, к чему призывали контролирующие и сдерживающие его спонсоры. Однако цели — вытеснение сербов из анклава Сербская Митровица и его поглощение; окончательное юридическое становление Косово как второго в Европе албанского государства, сопредельного Албании; вхождение в евроатлантические структуры — не только не сняты, но и высоко подняты на знамя. Косовские власти регулярно нарушают все договоры и договоренности и провоцируют не только косовских сербов, Сербию, но и Брюссель и Вашингтон. Очередная провокация в конце 2022 г. поставила на грань срыва хрупкий замороженный статус-кво, что напрямую связано с расчетом Приштины воспользоваться скованностью Москвы военной операцией на Украине, беспрецедентным после Второй мировой войны обострением противостояния Запада и России, и усилившимся давлением Запада на Сербию.

Продолжение цикла в следующем номере

Литература

- Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. Документы и исследования. М. 1982.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т.6. С-Пб. 1999.
- Донесение русского консула в Рагузе (Дубровнике) И.С. Ястребова товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу // Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX века. Документы и исследования. М. 1982. С. 243–244
- Крестич В.Дж. Великая Хорватия и геноцид сербов. М. 2021.
- Марковић М. Тајна Косова. Хришћанска мисао. 1998.
- Соколова П.С., Тимофеев П.П. Косовский конфликт и участие Франции в его урегулировании // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. С. 50–67. №4. — URL: afjournal.ru/index.php?page_id=171 (дата обращения: 11.01.2023).
- Спекторский Е.В. Принципы европейской политики России в XIX и XX веках. Любляна. 1936.
- Терзич С. Старая Сербия. Драма одной европейской цивилизации. М. 2015.
- Экмечић М. Сусрет цивилизација и српски однос према Европи. Нови Сад. 1997.
- Югославия в XX веке: очерки политической истории. М. 2011.
- Ястребов И.С. Обычаи и песни турецких Сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре. СПб. 1866.
- Bjelajac M. Migrations of Ethnic Albanians in Kosovo. 1938-1950 // *Balkanica*. 2007. №38. P. 219-230. DOI:10.2298/BALC0738219B.
- Borozan D. Kosovo i Metohija u granicama protektorata Velika Albanija // *Kosovo i Metohija u velikoalbanskim planovima 1878–2000*. Belgrade. 2001.
- Burns J. The Echoes of History rumble on. All the “Questions” remain, unanswered. Europe and the Eastern Question. (1878-1923). Belgrade. 2001.
- Ћубриловић В. Исељавање Арнаута (Предавање одржано у Српском културном клубу 7. марта 1937) // Архив Војноисторијског института. 11-Ф2-К-69.
- Durham M. E. *Through the Lands of the Serbs*. London. 1904.
- Falmerayer J. Welchen Einfluß hatte die Besetzung Griechenlands durch die Slawen auf das Schicksal der Stadt Athen und der Landschaft Attika? Oder nähere Begründung der im ersten

- Bande der Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters aufgestellten Lehre über die Entstehung der heutigen Griechen. Stuttgart. 1835
- Die Geheime Papiere F. V. Holsteins. Bd. 3. Briefwechsel, Göttingen. 1961.
- Hogard J.* L'Europe est morte à Pristina. P. 2014.
- Islam, the Balkans and the Great Powers (XIV–XX Century). Beograd. 1997.
- Izetbegovic A.* The Islamic Declaration. A Program for the Islamization of Muslims and the Muslim Peoples. Sarajevo. 1990.
- Malcolm N.* Kosovo. A Short History. London. 1998.
- Nisic S.* Hrvatska Oluja: dokumenti. Beograd. 2012.
- Response to Noel Malcolm's book "Kosovo. A Short History". Belgrade. 2000.
- Seton-Watson R.W.* Rumania and the Great War. London. 1915.
- Seton-Watson R.W.* The Rise of Nationality in the Balkans. London. 1917.